

В. Е. Ветловская

ПРОТОТИПЫ ГЕРОЕВ ДОСТОЕВСКОГО: ПРИСТАВ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ ПОРФИРИЙ ПЕТРОВИЧ И НЕ ТОЛЬКО...

Резюме

В предлагаемой вниманию читателя статье говорится о прототипах героев Достоевского, связанных с юридическим миром старой России. Это персонажи, играющие заметную роль в ходе событий и судьбах главных действующих лиц «Униженных и оскорбленных» (1861) и «Преступления и наказания» (1866). В первом из названных романов такую роль играет частный сыщик Маслобоев, во втором — Порфирий Петрович, пристав следственных дел, занимающийся выяснением обстоятельств убийства старухи процентщицы и ее сестры, а также выявлением виновника совершенного злодеяния. Даже не слишком искушенный читатель, знакомясь с этими персонажами, не может не заметить, что за ними стоит живая реальность — известные писателю характеры и факты. Хотя в исследовательской литературе об этом вскользь уже говорилось, тема заслуживает серьезного изучения, тем более что прототипы, о которых здесь идет речь, названы самим Достоевским. Это К. Л. Шерстобитов (к сожалению, сведения о нем крайне малочисленны) и И. Д. Путилин, ученик и сослуживец К. Л. Шерстобитова, чья биография и деятельность, напротив, достаточно широко известны, поскольку он оказался начальником Санкт-Петербургской сысской полиции с момента ее основания в 1866 г. и долгие годы оставался на этой службе. В свое время А. Ф. Кони посвятил ему небольшой, но очень содержательный очерк. И. Д. Путилин был неоднозначной, но очень яркой фигурой среди русских юристов, человек глубокого, пронизательного ума и разносторонней одаренности. Знакомство с ним, каким бы кратким оно ни было, не могло оставить Достоевского равнодушным, и это отразилось в создании образа Порфирия Петровича, ведущего следствие об убийстве, совершенном недоучившимся студентом Родионом Романовичем Раскольниковым.

Ключевые слова: преступление, психология, улики, следствие, Маслобоев, Порфирий Петрович, Раскольников, Шерстобитов, Путилин

Valentina E. Vetlovskaya

THE PROTOTYPES OF DOSTOEVSKY'S CHARACTERS:
PORFIRY PETROVICH, THE HEAD OF THE INVESTIGATION
DEPARTMENT, AND SOME OTHERS

Abstract

This article deals with prototypes of those characters of Dostoevsky's novels who are associated with the legal industry of the Russian Empire. These are the characters who play a prominent role in the events and in the lives of the main characters of the novels "Humiliated and Insulted" (1861) and "Crime and Punishment" (1866). In the first novel, this role is being played by the private investigator Masloboev, in the second one by Porfiry Petrovich. The latter is the head of the Investigation Department, who is engaged in clarifying the circumstances of the murders of the old pawnbroker and her sister and who is in communication with the culprit of the committed crime, the undergraduate student Rodion Romanovich Raskolnikov. Even an unsophisticated reader can notice that there is a living reality behind these characters — some people and facts that are known to the writer. Although the topic has been touched upon by researchers, it deserves a more serious study, especially since the implied prototypes were named by Dostoevsky himself. These are K. L. Sherstobitov, of whom we know very little, and I.D. Putilin, Sherstobitov's student and colleague. The latter's life and activities are quite well known because of his long service as the first head of the Detective Police of St. Petersburg after the foundation of this institution in 1866. Anatoly F. Koni wrote a small but very informative essay about him. Putilin was an ambiguous but very bright figure among Russian lawyers, a thoughtful and sharp-minded man with versatile talent. Acquaintance with such a person, no matter how brief it was, could not leave Dostoevsky indifferent. It was reflected in the image of Porfiry Petrovich.

Keywords: crime, psychology, evidence, investigation, Masloboev, Porfiry Petrovich, Raskolnikov, Sherstobitov, Putilin

DOI 10.31860/2712-7591-2022-68-102

Настоящая статья тесно связана с работой «Литературные и реальные прототипы героев Достоевского („Мещанин в халате“ в „Преступлении и наказании“») [Ветловская 2008], корректируя и продолжая ее. В заключении этой работы речь шла, в частности, об известном французском сыщике Эжене Франсуа Видоке (1775–1857) и его литературных коллегах, появляющихся на страницах французского романа-фельетона и романов детективного жанра, чьи профессиональные приемы практикует и Порфирий Петрович.

Но у героя Достоевского были предшественники в российской действительности, среди них — знаменитый русский сыщик Иван Дмитриевич Путилин (1830–1893). Заканчивая одну из своих исторических миниатюр, по-

священных прославленным отечественным детективам, В. С. Пикуль писал: «Я не специалист по творчеству Достоевского, но думается, что некоторые черты путилинского облика и характера писатель воплотил в образе следователя Порфирия Петровича в своем „Преступлении и наказании“. Роль этого следователя лучше всего исполнил Кондрат Яковлев, и, наверное, вы помните, что писал по этому поводу прославленный С. А. Юрьев: „Невозможно забыть эти округлые манеры и движения, эти ласковые, такие, казалось, обыденные, житейские интонации... Вся сцена велась им (Яковлевым) как виртуозная игра в кошки и мышки“. В этом описании актерской игры я невольно ощущаю что-то очень знакомое от обликов Шерстобитова и его подручного Путилина» [Пикуль, с. 522]¹.

Об И. Д. ПутиLINE как возможном прототипе Порфирия Петровича и подобных ему персонажей специалисты по творчеству Достоевского упоминали. Правда, вскользь. Т. И. Орнатская пишет: «...Путилин представлял собою реальную „натуру“ для создания образов частных и состоящих на государственной службе сыщиков, следователей и прочих судебно-полицейских чиновников Достоевского: Маслобоева, Заметова, Порфирия Петровича» [Орнатская, с. 259; Орнатская, Туниманов, с. 361]. Опираясь на биографические данные и мемуары, она говорит также о времени и обстоятельствах знакомства писателя с этим весьма незаурядным служителем Фемиды. Судя по всему, знакомство случилось после того, как Достоевский, обитавший по окончании сибирской ссылки с семейством в Твери, получил разрешение на жительство в Петербурге. Перебравшись в столицу в конце декабря 1859 г., он тотчас включился в литературную жизнь. Весной 1860 г. вместе с братом, М. М. Достоевским, он становится постоянным посетителем собраний у давнего своего приятеля А. П. Милюкова (1817–1897), который, заведя редакцией журнала «Светоч» (издавался в 1860–1861 гг.), по вторникам приглашал к себе сотрудников, преимущественно молодых и перспективных, на дружеские беседы. Встречи у А. П. Милюкова братьям Достоевским были тем более полезны, что, намереваясь выпускать собственный журнал, они могли набраться редакторского опыта и присмотреться к литераторам «Светоча», многие из которых вскоре стали сотрудниками их журнала «Время» [Нечаева 1972, с. 36–38; Орнатская].

В числе таких литераторов был В. В. Крестовский (1840–1895), только что оставивший университет и начавший повестями, рассказами и лирическими стихотворениями творческую деятельность. По воспоминаниям

¹ Карп Леонтьевич Шерстобитов (1800–1866) — старший сослуживец и наставник И. Д. Путилина.

А. П. Милюкова, на его редакторских «вторниках» состоялась встреча, а затем и дружеское сближение молодого писателя с Ф. М. Достоевским. В первом номере журнала «Время» за 1861 г., открывавшемся главами романа «Униженные и оскорбленные», был напечатан рассказ Крестовского «Погибшее, но милое созданье» и одно из его стихотворений. Позднее писатель печатал в изданиях братьев Достоевских и оригинальные произведения, и переводы². Возможно, именно Крестовский, как полагает Т. И. Орнатская, познакомил Достоевского с И. Д. Путилиным³.

Скупые сведения об этом знакомстве, приведенные Т. И. Орнатской, восходят к биографическому очерку, который сопровождал первый том Собрания сочинений В. В. Крестовского, опубликованный вскоре после смерти писателя и заключающий в себе роман «Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных» (впервые: «Отечественные записки», 1864–1867). Несколько глав начала романа под названием «Ерши» (об одном из грязных притонов столицы) были напечатаны в № 1 и 2 (сдвоенная книга) журнала Достоевских «Эпоха» за 1864 г. В письме к брату от 26 марта 1864 г., откликаясь на выход первых номеров их нового журнала, Ф. М. Достоевский сообщал: «..., Ерши“ (<...> мне очень понравились» (28₂; 73).

Автор биографического очерка в посмертном Собрании сочинений Крестовского, Ю. Л. Елец, хорошо знавший покойного писателя и некоторых лиц его ближайшего окружения, постарался изложить предысторию «Петербургских трущоб» со ссылками на мемуарную литературу и всеми известными ему подробностями. Замысел романа, приковавшего к себе по выходе в свет общее внимание, возник у Крестовского в самом конце 1850-х гг. Воодушевленный идеей описания столичного дна, писатель занялся сбором материала и несколько лет посвятил изучению быта завсегдаев гнусных приютов порока и преступлений. «Если книга эта, — объяснял он в предисловии к роману, — заставит читателя призадуматься о жизни и участи петербургского бедняка и отверженной парии — трущобной женщины; если в среде наших филантропов и в среде административной он возбудит хотя

² Как утверждает А. П. Милюков, некоторые стихотворения Крестовского Достоевскому очень нравились, он слушал их с удовольствием и иногда просил повторить [Милюков, с. 238]. Но в целом поэзия Крестовского писателя не привлекала. Он даже был готов подвергнуть ее уничтожительному разбору. См. записную книжку 1860–1862 гг. [Достоевский, т. 20, с. 168]. В дальнейшем ссылки на это издание даются в скобках в тексте статьи. Первая цифра обозначает том, вторая — страницу.

³ Т. И. Орнатская пишет: «...он (Крестовский. — В. В.) познакомил Достоевского и с самим Путилиным» [Орнатская, с. 259]. Правда, в другой статье исследовательница говорит, что Достоевский и Путилин были знакомы и только [Орнатская, Туниманов, с. 361].

малейшее существенное внимание к изображенной мною жизни, я буду много вознагражден сознанием того, что труд мой, кроме развлечения для читателя, принесет еще и частицу пользы для той (...) среды, где голодная мать должна воровать кусок хлеба для своего голодного ребенка; где источником существования двенадцати-тринадцатилетней девочки является нищенство и продажный разврат; где голодный и оборванный бедняк, тщетно искавший честной работы, нанимается для совершения преступления мошенником сытым и более комфортабельно обставленным в жизни, причем этот ничем почти не рискует, а тот, за самую ничтожную цену, ради требований своего непослушного желудка, гибнет на каторге...» и т. д. [Крестовский, с. 28–29].

Безусловно, и предмет описания, и филантропический пафос автора «Петербургских трущоб» были близки Достоевскому, работавшему (как раз в начальную пору их знакомства) над романом «Униженные и оскорбленные» (1861). Наблюдения молодого филантропа над мрачными углами и закоулками отнюдь не парадного Петербурга не могли не занимать Достоевского.

В странствиях по сомнительным «заведениям» и значным местам Крестовского иногда сопровождали (с той же любознательностью и творческой целью) Н. С. Лесков (1831–1895) и художник и скульптор М. О. Микешин (1836–1896), автор проекта памятника «Тысячелетие России»⁴. Лесков и Микешин были знакомы братьям Достоевским и время от времени тоже посещали их редакционный кружок. Лесков печатался в их журналах, а Микешин хотел бы, но безуспешно пытался это сделать⁵.

Сохранился рассказ Лескова (его приводит Ю. Л. Елец) о посещении писателей и скульптора одного из притонов «Вяземской лавры», так называемого Малинника: «Это было летом. Мы втроем: Крестовский, я и еще кто-то, кажется, Микешин (...) отправились гулять и встретили знакомого Крестовскому сыщика, который и предложил нам отправиться в „Малинник“. Мы, конечно, охотно согласились. Пришли (...) К нам сейчас же подсади местные дамы и потребовали угощения. Они пили водку, а мы ели яйца, единственное кушанье, которое мог рекомендовать нам буфетчик, хорошо знавший сыщика. Подседа к нашей компании и женщина, которую Крестовский назвал Крысой. Она без церемонии влезла на колени к бывшему со мною и Крестовским спутнику. Помню случившийся при этом небольшой, но довольно характерный эпизод: приятель наш сидел с Крысой и держал

⁴ Этот памятник был открыт в Новгороде 8 сентября 1862 г.

⁵ См. роспись содержания журналов «Время» и «Эпоха» за 1864–1865 гг.: [Нечаева 1975, с. 233–260, 286].

в руке, откинута на спинку стула, папиросу. Кругом сидели и ходили самые отвратительные оборванцы. Один из них, проходя мимо нашего стола, преспокойно схватил эту папироску и начал курить. Спутник наш вскочил и собирался проучить нахала. Однако сыщик удержал его, говоря, что затевать скандал здесь опасно. Когда этот инцидент закончился, нас повели по какому-то длиннейшему коридору смотреть внутренние помещения „Малинника“. Шли мы совершенно спокойно, как вдруг где-то сзади послышался сначала сильный шум (...) потом крики: „Помогите, режут, убивают!“

— Обыкновенная история, — заметил сыщик, — это бывает здесь.

Он не успел окончить начатой фразы, как крики о помощи сменились другими: „Спасайтесь, полиция“. Мы обернулись, и представьте себе наше удивление. Коридора уже не было, мы находились в комнате: сзади нас спустилась сверху стена, и коридор превратился в комнату. Вышли мы из „Малинника“ совершенно другим ходом — нас вывел сыщик» [Елец, с. XI—XII].

Отголоски этого или подобных ему рассказов, знакомых Достоевскому со слов Крестовского и его спутников, отчетливо слышны в повествовании о посещении Иваном Петровичем и Маслобоевым (литератором и сыщиком) «ресторации» и притона Бубновой в «Униженных и оскорбленных» (главы V и VII второй части романа). В грязные закоулки «Вяземской лавры», изображенной в «Петербургских трущобах», ради острых ощущений заглядывал Свидригайлов («Преступление и наказание» — 6; 224) [Тихомиров, с. 343—344].

Сыщиком, о котором говорит Лесков, был И. Д. Путилин. Известно свидетельство самого Путилина о его «набегах» с Крестовским в петербургские трущобы, а также о других способах посвящения писателя в интересующий его материал — в разного рода уголовные тайны. «Я сам, — вспоминал Путилин, — сопровождал его по трущобам, вместе с ним переодеваясь в нищенские костюмы: он вместе со мной присутствовал на облавах в различных притонах; при нем, нарочно при нем я допрашивал в своем кабинете многих преступников и бродяг, которые попали потом в его роман. Наконец, я самолично давал ему для выписок дела сыскного отделения, которыми он широко пользовался, потому что почти все действующие лица его произведения — живые, существовавшие люди, известные ему так же близко, как и мне, потому что с большинством их я имел возможность его перезнакомить» [Елец, с. XII—XIII]. Воспоминание начальника сыскной полиции, воспроизведенное Ю. Л. Ельцом, было записано (уже после смерти Крестовского) М. В. Шевляковым, которого с Путилиным связывало довольно тесное и доверительное знакомство (разумеется, в той степени, в какой эту доверительность тот мог себе позволить). В конце жизни, отойдя от дел, Пути-

лин занялся автобиографическими заметками — рассказами о важных или чем-либо примечательных из раскрытых им преступлений. Но таких заметок сохранилось сравнительно немного. В издательском предисловии к книге, посвященной знаменитому детективу, сказано: «Он оставил после себя небольшую книжку мемуаров, написанных собственноручно, и надиктовал еще одну книжку способному литератору М. Шевлякову. Приключения, описанные в этих двух книжках, не уступали похождениям Холмса и Пинкертона». Но самой популярной и многократно переиздававшейся была книга «Гений русского сыска И. Д. Путилин. Рассказы о его похождениях». Собранные в ней истории основаны на подлинных сыскных делах, литературно обработанных известным в свое время прозаиком, драматургом, театральным рецензентом и фельетонистом Романом Лукичом Антроповым (1876–1913), выступившим под псевдонимом Роман Добрый [Антропов 2003, с. 6–7; Прокопов, с. 8]⁶.

Будучи великолепным рассказчиком, Путилин нередко делился опытом своей богатой событиями жизни со всеми, кому это было в профессиональном (да и любом другом) отношении интересно, в том числе с Ф. М. Достоевским.

Ко времени «вояжей» на дно столицы в компании с Крестовским и его приятелями (конец 1850-х — начало 1860-х гг.) Путилин успел прославиться раскрытием нескольких громких и запутанных преступлений, вроде тех, в которых, как говорит Разумихин Раскольникову, рекомендуя ему Порфирия, «почти все следы были потеряны» (6; 189), когда преступление налицо, а преступника или преступников, как говорится, «Митькой звали». Этот фразеологизм, записанный Достоевским в Сибирской тетради и повторен-

⁶ Книга [Путилин 1995], предисловие к которой написано Т. Ф. Прокоповым [Прокопов], помимо «Записок...» включает в себя и несколько рассказов Романа Доброго (Р. Л. Антропова) [Антропов 1995], и повествования М. В. Шевлякова [Шевляков 1995]. Надо заметить, что литературная обработка разрозненных записок и устных рассказов И. Д. Путилина вызвала резкую критику некоторых современных авторов — см., например, [Васильев]. Автор статьи уточняет и комментирует кое-какие детали этих литературных обработок, но его негодование по поводу допущенных там ошибок и неточностей кажется чрезмерным, ведь такие сочинения не претендуют на то, чтобы их отнесли к разряду официальных «документов», непогрешимых во всех подробностях. Важно, что эти рассказы (за редким и, как правило, очевидным для читателя исключением) основаны на реальных фактах. Впрочем, неодобрение К. Васильева вызывают не только повествования о Путилине, но и сам Путилин. В Послесловии к капитальному изданию [Путилин 2003], написанном Д. Нечевиним и Л. Беляевой, сказано, что в недавно найденной в Петербурге части архива Путилина сохранились документы, свидетельствующие о том, что записки и рассказы о его деятельности, вышедшие в свет без указания имени шефа сыскальной полиции, биографичны [Путилин 2003, т. 2, с. 600].

ный в «Записках из Мертвого дома» (4; 29, 238), писатель художественно обыгрывает в «Преступлении и наказании» (сцена побега Раскольникова из квартиры убитой старухи процентщицы — 6; 69) [Ветловская 2002, с. 130]. Любопытно, что этот же фразеологизм возникает в рассказе Константина Ивановича Путилина (сына детектива) «Покушение в поезде» — об одном уголовном деле, сохранившемся в архивных записях его отца (впервые опубликован в «Историческом вестнике» в 1913 г.). Здесь один из собеседников говорит другому о преступнике: «И скрылся? Митькой звали!» [Путилин 2003, т. 1, с. 383; весь рассказ — с. 376–398]. Очень может быть, что И. Д. Путилина в разговорах то и дело доводилось поминать скрывшегося Митьку, поскольку поводов для этого у него было более чем достаточно. Ведь после нескольких важных разоблачений в начале его карьеры поиски самых хитрых и изворотливых мошенников и злодеев всегда поручали именно ему. И не было случая, чтобы в борьбе с представителями этой отпетой братии детектив уступил им в бесстрашии и сообразительности, как бы те ни прятали концы в воду. Кстати сказать, этот фразеологизм тоже встречается у И. Д. Путилина. Например, в рассказе «Дезертир»: «Надо (...) отдать справедливость Григорьеву (искушенному преступнику, главному герою рассказа. — *В. В.*), что он отлично умел прятать концы в воду и выходил из всякого мошеннического дела с незапятнанной репутацией. Но и на старуху бывает проруха» [Путилин 1995, с. 122]. Широкий смысл метафоры, заключенный во фразеологизме «концы в воду» (или «прятать концы в воду»), в «Преступлении и наказании» сужается до прямого значения и реализуется в решении Раскольникова расстаться с награбленным добром, бросив его «в канаву» (в Екатерининский канал): «Бросить всё в канаву, и концы в воду, и дело с концом» (6; 84). Еще раз, с большей сложностью и детализацией, эта метафора реализуется в смерти Марфы Петровны, утонувшей в собственной купальне, хотя и по неясной причине, но, безусловно, с помощью своего супруга, господина Свидригайлова, за которым числится не одно «с юридической точки зрения (...) весьма темное» уголовное дело (6; 228–229, 175–176, 220, 381). Во всех этих случаях правдами и неправдами, в прямом и переносном смысле Свидригайлову удается «спрятать концы в воду» [см. также: Тихомиров, с. 463–464].

Успех И. Д. Путилина в расследовании «темных» дел и блестящая служебная карьера были тем удивительнее, что сыщик всем этим был обязан почти исключительно самому себе. Он родился в очень бедной семье; для того чтобы проложить дорогу в жизни, вынужден был заняться самообразованием. В 1853 г. в Императорском Петербургском университете экстерном

сдал экзамены за полный гимназический курс и приобрел соответствующий аттестат, открывавший ему двери для прохождения полицейской службы. Начав в 1854 г. с мелкой должности младшего помощника квартального надзирателя Толкучего рынка, он быстро поднимался по чиновничьей лестнице, получая русские и зарубежные отличия и награды [Пиотровский]. В 1866 г., когда было учреждено Управление сыскной полиции, И. Д. Путилин был назначен его начальником. Свою службу он закончил в чине тайного советника (III класс Табели о рангах), по некоторым сведениям — даже в чине действительного тайного советника (II класс Табели о рангах) [Путилин 1990, с. 8–9; Пиотровский, с. 80].

И. Д. Путилин был необыкновенно умным, разносторонне одаренным человеком. Конечно, его профессия была его страстью. Любя практическую работу, он исполнял ее с постоянным риском для жизни и невозмутимым хладнокровием. (Напомним, кстати, неколебимое спокойствие Порфирия в ответ на злобные угрозы и наскоки Раскольникова, убийцы). В решении задач, которые ему подкидывала жизнь уголовного мира, Путилин не знал шаблонов. Он руководствовался безошибочной интуицией, доверяя своему натренированному чутью, осведомленностью в самых разных областях знаний и изощренной, но безупречной логикой. «Это, брат, славный парень, увидишь! — говорит Разумихин Раскольникову о Порфирии. — Неуклюж немного, то есть он человек и светский, но я в другом отношении говорю неуклюж. Малый умный, умный, очень даже неглупый, только какой-то склад мыслей особенный... Недоверчив, скептик, циник... Надувать любит, то есть не надувать, а дурачить... Ну и материальный старый метод... А дело знает, знает... Он одно дело, прошлого года, такое об убийстве разыскал, в котором почти все следы были потеряны! Очень, очень, очень желает с тобой познакомиться!» (6; 189).

Отношение к Путилину было неоднозначным. У непредвзятых профессионалов-юристов его таланты не могли не вызывать уважения. А. Ф. Кони, знавший Путилина по совместной работе в 1871—1875 гг., писал: «По природе своей Путилин был чрезвычайно даровит и как бы создан для своей должности. Необыкновенно тонкое внимание и чрезвычайная наблюдательность, в которой было какое-то особое чутье, заставлявшее его вглядываться в то, мимо чего все проходили безучастно, соединялись в нем со спокойной сдержанностью, большим юмором и своеобразным лукавым добродушием. Умное лицо (...) пронизательные карие глаза, мягкие манеры и малороссийский выговор были характерными наружными признаками Путилина. Он умел отлично рассказывать и еще лучше вызывать других на разговор и писал недурно и складно, хотя место и степень его образования были, по выра-

жению И. Ф. Горбунова, „покрыты мраком неизвестности“» [Кони 1989с, с. 43]⁷.

Однако «прогрессивная» общественность России и тогда, и позднее отзывалась о Путилине с заметным, а иногда и резким неодобрением. Дело в том, что Путилин принужден был заниматься не только уголовным, но и политическим сыском. Одной из его «жертв» был поэт и публицист М. И. Михайлов (1829–1865), рано погибший на каторге. Тайная канцелярия Его Императорского Величества привлекла известного сыщика к розыску лиц, замешанных в распространении антиправительственных прокламаций. Среди них была листовка «К молодому поколению» (1861). Она была написана Н. В. Шелгуновым (1824–1891) и М. И. Михайловым, но ее авторство, выгораживая друга, взял на себя М. И. Михайлов. В конце концов это не спасло ни того ни другого⁸. Путилин готовил розыскные материалы и к процессу Н. Г. Чернышевского (1862)⁹. Не исключено, что походы сыщика в значимые места с молодыми писателями и художником тоже были не просто дружеской услугой, но и профессиональной заботой — так сказать, для личного знакомства с излишне любознательной творческой публикой и на всякий случай... С этой же целью, безусловно, он заглядывал иногда и в литературный кружок. Заметим в этой связи интерес Порфирия к статье Раскольникова «О преступлении», напечатанной до того, как тот решился на убийство, и имевшей, как понял сыщик, политическую подоплеку (6; 198 и след., 345), а также появление Порфирия на «новоселье» у Разумихина среди разношерстных его гостей (6; 103–104, 130, 196 и след.).

Для Путилина, однако, политика не была главным делом. Не десятки, а сотни раскрытых преступлений — указанных и наказанных грабителей, убийц, фальшивомонетчиков, религиозных изуверов — важнейший результат работы «гения сыска». Сводя к общему знаменателю разные мнения о Путилине, его биограф пишет: «И сколько бы ни вчитывались мы в различные суждения о Путилине, совершенно очевидно, что все они сходятся

⁷ В эти же годы работы с Путилиным Кони довольно близко сошелся и с Ф. М. Достоевским, помогая ему искупить юридические «огрехи» на посту редактора «Гражданина» (1873). Будучи прокурором Петербургского окружного суда, А. Ф. Кони оказался в глазах Достоевского очень ценным, умным, компетентным, широко мыслящим собеседником. Писатель воспользовался этим обстоятельством в полной мере. Их разговоры касались проблем нового суда, оценки преступления и, по-видимому, многих и разных явлений юридической практики. Разумеется, они не могли обойти вниманием и конкретных лиц русского юридического общества [Кони 1989b, с. 160–161].

⁸ О Путилине в деле М. И. Михайлова [Лемке, с. 82 и след.]. Дело М. И. Михайлова см.: [Лемке, с. 59–160].

⁹ О Путилине в деле Н. Г. Чернышевского см.: [Лемке, с. 205 и след.]. Дело Н. Г. Чернышевского см.: [Лемке, с. 161 и след.]

в одном: на беду не только уголовников, но и политических он был профессионалом высокого класса, что вряд ли могло прийти по душе тем авторам высказываний, чьими судебными историями талантливый (а точнее, великий) сыщик принужден был заниматься и по долгу службы, и по своим убеждениям, оставаясь верным слугой престола, преданным стражем интересов Российского государства» [Прокопов, с. 6]¹⁰. Таким «слугой» и «стражем» был, конечно, и Порфирий Петрович, на что намекает его имя и отчество (*Порфирий* от слова *порфира* — торжественное одеяние монархов — указание на монархическую власть, монархию; *Петрович* — указание на состояние этой монархии после петровских преобразований).

По своим способностям и многостороннему опыту Путилин был востребован временем — эпохой реформ, отказа от устаревших стереотипов, установления института адвокатуры и суда присяжных, гласного судопроизводства, подробного отражения наиболее важных уголовных и политических процессов в печати. Но свою деятельность детектив начинал в дремучих дебрях прежнего «правосудия», где квартальный надзиратель, каков бы он ни был, для простого человека знаменовал начало и конец административной, полицейской и всякой другой законности. Работу дореформенной полиции Путилин знал по собственному опыту и великолепно, поскольку довольно долго служил, как сам любил рассказывать, «в самом бойком — “апраксинском” — околотке», пребывая «под начальством знаменитого Шерстобитова, когда-то наводившего страх и ужас на обывателей своего участка и в особенности на так называемый подпольный элемент. Шерстобитов пользовался славой искусного сыщика, и в уголовной хронике Петербурга имя его занимало видное место...» [Шевляков 1995, с. 340].

На дореформенной полиции стоит задержаться, поскольку характерные для нее типы и приемы их работы занимают заметное место в «Униженных и оскорбленных». По воспоминаниям Путилина, «нрав всякого полицейского прежних времен был необычайно крут (...) В квартале царил самосуд безапелляционный. От пристава до последнего будочника включительно

¹⁰ Д. Нечевин и Л. Беляева, авторы предисловия к книге о шефе сыскальной полиции Петербурга, ссылаются на мнение одного из тех, кто знал о знаменитом сыщике и его работе не понаслышке: «Путилин был личностью совершенно необычной. Если бы нашлось перо, которое правдиво описало его подвиги в сыскальной работе, то слава Ивана Дмитриевича затмила бы всяких выдуманных шерлоков холмсов. Уже при жизни он был легендарной личностью... Весьма симпатичный и обаятельный, он к преступникам испытывал скорее жалость, чем неприязнь. С каждым умел найти общий язык, вызвать на разговор. Его блестящее умение анализировать, сопоставлять, строить неожиданные и смелые версии вызывает восхищение. Путилину удалось раскрыть великое множество самых злодейских и запутанных преступлений» [Путилин 2003, т. 1, с. 8].

всякий полицейский считал себя „властью“ и на основании этого безнаказанно тяготел над обывательским затылком и карманом» [Шевляков 1995, с. 340–341]. При этом затылок и карман были в непостижимой, казалось бы, но прочной связи. Такую связь «начальство» разъясняло молодым коллегам при первом их поползновении уйти в сторону от грубого обычая и произвола. Полиция должна была внушать страх правому, виновному, жертве, обидчику — всем вообще, «а не будь этой привилегии (вызывать оторопь и творить физическую расправу. — *В. В.*) — в грош бы нас не стали ценить, тогда как теперь ценят целковыми» [Шевляков 1995, с. 341]. «Действительно, — вспоминал Путилин, — в старину обыватели делали оценку полиции денежными знаками. Взятничество было развито до крайних пределов. Взятки брались открыто, бесцеремонно и почти официально. Без „приношения“ никто не смел появляться в квартале, зная заранее, что даром ему ничего не сделают» [Шевляков 1995, с. 341]. Взятки, судя по всему, — основной источник материального благополучия Маслобоева, бывшего гимназического товарища Ивана Петровича (рассказчика «Униженных и оскорбленных»). Служба в полицейской «конторе», а затем частный сыск дают Маслобоеву средства для безбедного существования. «...Я теперь хоть и не служу, — признается он Ивану Петровичу, — но денежки наживаю удобно: взятки беру и за правду стою; молодец против овец, а против молодца и сам овца» (3; 265). Не будучи скупым (при том что «своего» он, разумеется, никогда не упустит, о чем свидетельствуют его деловые отношения с князем Валковским), Маслобоев готов поделиться бесцельно нажитым добром с честным и нищим приятелем: «Послушай же откровенно и прямо, по-братски (<...> — не надо ли денег? Есть. Да ты не гримасничай. Деньги возьми, расплатись с антрепренерами, скинь хомут, потом обеспечь себе целый год жизни и садись за любимую мысль, пиши великое произведение!» (3; 266).

Конечно, взяточничество не единственный источник доходов для людей «полицейской части». «Путилин уморительно рассказывал, — пишет М. В. Шевляков, — как в старое время в квартале производился обыск вора, пойманного с поличным», при понятых и потерпевшем [Шевляков 1995, с. 341–342]. Расследование и суд ведет и наказание определяет «некий пристав» (скорее всего, имелся в виду К. Л. Шерстобитов, преподававший Путилину азы полицейской науки). Смех «уморительного» рассказа, в котором нельзя не заметить изрядной доли цинизма, заключался в живописном изображении приемов дознания и общего результата следствия, произведенного с надлежащей остроткой. В конце концов и вор, и пострадавший уходят из «квартала» насмерть перепуганные, с явным для себя убытком, оставив

в карманах полицейского чиновника свое несправедно и праведно добытое добро. «Пристав этот, — заключает рассказ Путилин, — нажил большое состояние и был уволен „без прощений“ (то есть без указания на какие бы то ни было упущения по службе. — *В. В.*). Впоследствии он жаловался на несправедливость начальства и любил хвастнуть, что его обожал весь околоток за порядок и за умелое миротворение» [Шевляков 1995, с. 343].

Были и другие, более капитальные способы наживы. Например, при охранительной описи ценного имущества какого-нибудь скончавшегося богача. Путилин вспоминал (речь идет о той же дореформенной поре), как, назначенный на такую опись, он добросовестно перечислил все дорогостоящие предметы. Начальник был недоволен его работой и тут же «отредактировал» перечень в сторону резкого сокращения ценности указанных вещей. В установленный порядок срок наследники явились за получением имущества. «Иван Дмитриевич присутствовал при этом как представитель полиции и охранительной власти. Он пристально приглядывался к вещам, еще недавно им виденным и подробно отмеченным в первоначальной описи, но не узнавал их. Почти ни один предмет не имел надлежащего вида, — все превосходно соответствовало другой, то есть переделанной описи... Только тут понял неопытный квартальный надзиратель, — как опытен его начальник» [Шевляков 1995, с. 345]. Впрочем, в практике такого рода не было ничего исключительного. В рассказах И. Ф. Горбунова (1831–1895) о московском дореформенном быте («Из московского захолустья. I. Иверские юристы») встречаем те же приемы дознания и суда и те же хитроумные описи имущества [Горбунов; Кони 1989а, с. 270–273]. Кстати, И. Ф. Горбунов и И. Д. Путилин были не только знакомы, но и дружны. Происходя из небогатых, бедных семейств, они оба были знатоками народного быта и великолепными импровизаторами и рассказчиками. Об этом со ссылками на мемуарную литературу см.: [Пикуль, с. 521]. М. В. Шевляков писал: «Иван Дмитриевич был неподражаемым рассказчиком и даже имитатором. Обладая природной наблюдательностью и врожденным юмором, он картинно передавал всяческие события и типы, всегда возбуждая глубокое внимание и неудержимый смех слушателя. Увлекая своими повествованиями других, он увлекался сам...» Речь, собственно, идет о незаурядном актерском таланте [Шевляков 1901, с. 10; 2009, с. 9–10].

Но какими бы средствами обогащения ни пользовался наставник Путилина К. Л. Шерстобитов, он, начав с пуста, кончил жизнь весьма состоятельным человеком — в отличие от героя Достоевского, Маслобоева, который часто пускал деньги на ветер или даже умудрялся использовать их себе во вред. Тем не менее именно К. Л. Шерстобитов, ярко изображенный

в рассказах Путилина, был главным прототипом Маслобоева в «Униженных и оскорбленных». На это указывает, в частности, смысловая переключка реальной и вымышленной фамилий, ср.: Шерсто-битов — Масло-боев.

Официальные сведения о К. Л. Шерстобитове скупы. В статье А. Ломачевского «Рассказы из прежней полицейской службы в Петербурге» ему отведено незначительное место. О нем говорится как о «знаменитом в свое время сыщике», «самом искусном, осторожном, находчивом и терпеливом» [Ломачевский, с. 202, 209], рассказывается о некоторых раскрытых им преступлениях, а также о том, что, будучи грозой преступников, он нередко обнаруживал «доброе, сострадательное сердце», в противоположность его известным французским коллегам, с которыми Шерстобитова иногда сопоставляли [Ломачевский, с. 208].

Наиболее подробные сведения о Шерстобитове находим в историческом очерке Пикуля «Старое, доброе время», написанном не без веселой усмешки, но с явной симпатией к избранному герою. «В середине прошлого столетия (то есть в XIX в. — В. В.), — пишет В. С. Пикуль, — жители российской столицы часто видели странного человека, который свободно проникал в кабинеты самых знатных вельмож, а иногда шепотком беседовал с дворниками. Держался он слишком независимо и даже отчужденно (...) вечно сосредоточенный, взирающий исподлобья, но при этом его маленькие свинные глазки, казалось, насквозь пронизали каждого человека (...) Чиновники, служившие в канцелярии обер-полицмейстеров Санкт-Петербурга, не раз видели» его «в различном одеянии. Он являлся перед ними то солидным господином, посверкивая бриллиантами в перстнях, то его видели вертким купцом в чуйке, а то вдруг он представал жалким оборванцем-пропойцей, который, казалось, начнет сейчас клянчить на водку». У знающих его людей было четкое убеждение, что «с этим человеком лучше бы (...) не связываться» [Пикуль, с. 511]. Очерк, как все такого рода повествования писателя, основан на обширном и мало кому доступном мемуарном и архивном материале. «На заинтересовавшую Пикуля личность, — объясняет комментатор, А. И. Пикуль, — он заводил карточку и годами (а иногда десятилетиями) заносил в нее библиографические источники, в которых встречался материал, необходимый для полного раскрытия образа будущего героя миниатюры. Иногда библиография составляла 60–70 источников» [Пикуль, с. 600]. Среди таких источников были воспоминания и рассказы И. Д. Путилина, ведь многие дела Шерстобитов и Путилин вели вместе.

К. Л. Шерстобитов происходил из кантонистов. Выучился на военного фельдшера и двадцать лет служил в морском госпитале Кронштадта, с лихвой отрабатывая скудное казенное обеспечение, полученное в детстве. В 1841 г.

был освобожден от службы с чином коллежского регистратора (последний, XIV класс Табели о рангах) и перебрался в Петербург с женой, матросской дочерью Прасковьей Артамоновной, с которой, добродушно пикируясь, всю жизнь прожил душа в душу. В Петербурге супруги сняли «угол», завели канарейку, «и она радостно запевала, когда хозяин ударял по струнам гитары» [Пикуль, с. 512].

В полиции К. Л. Шерстобитов оказался более или менее случайно. Обзаведясь знакомствами в столице, он как-то решил помочь своему соседу, брандмайору О. С. Орловскому, которого обворовали и которому полиция не смогла вернуть украденные вещи. Шерстобитов взялся за розыск сам. Переодевшись, прислушиваясь и присматриваясь к подозрительным субъектам, он после некоторых усилий, для него отнюдь не безопасных, нашел таки пропажу в той же «Вяземской лавре». В ответ на вопрос благодарного соседа, как новоявленного сыщика там не зарезали, Шерстобитов, как обычно, заиграл на гитаре и объяснил: «С людьми говорить уметь надобно. Когда криком, а когда шепотом. Я тебе, друг ситный, ласковым словом любую гадюку из-под коряги выманю...» [Пикуль, с. 513]. Брандмайор рассказал эту историю обер-полицмейстеру Петербурга, и тот, познакомившись с Шерстобитовым, стал поручать ему то одно, то другое запутанное дело, которые сыщик всегда распутывал с успехом. Он был принят на службу со званием помощника квартального надзирателя, затем стал старшим помощником, наконец, получил в свое ведение квартал (полицейский участок). За свои победы над героями уголовного мира Шерстобитов получал и деньги, и ордена и монаршей милостью был переведен из XIV сразу в XII класс Табели о рангах. Тогда «завел он себе пушистый халат на беличем меху, настроил гитару, ударил по струнам, и в клетке радостным пением отозвалась ему канарейка» [Пикуль, с. 515]. Наконец, благодаря своим талантам и усердию бывший безродный кантонист получил чин коллежского асессора (VIII класс Табели о рангах) и потомственное дворянство. Его Прасковья Артамоновна, по словам В. Пикуля, «прифрантилась, орешки шелкала, словно белка, научилась по утрам кофейком баловаться», а мужа просила, чтобы сыграл ей на гитаре: «Гляди, как жизнь-то обернулась: никаких расходов — одни прибитки пошли. Вот и канарейка запела...» [Пикуль, с. 516].

В это время у К. Л. Шерстобитова было уже «несколько ловких помощников, которые при надобности ездили не только по всей России, но даже за границу...» [Пикуль, с. 516]. Наиболее талантливым из них оказался И. Д. Путилин. Отношение его к своему начальнику вряд ли было однозначным, но свои молодые годы, уже будучи главой Санкт-Петербургской сыскальной полиции, он вспоминал не без удовольствия — даже тогда, когда повод

для веселья в нравственном плане нельзя было считать безупречным. Сравнивая новое и старое время, Путилин говорил А. Ф. Кони: «То ли дело было прежде, в сороковых да пятидесятых годах. Тогда над Апраксиным рынком был частный пристав (то есть начальник полицейской части. — В. В.) Шерстобитов — человек известный, ума необыкновенного. Сидит, бывало, в штофном халате (из плотного шелка с разводами. — В. В.), на гитаре играет романсы, а канарейка в клетке так и заливается. Я же был у него помощником, и каких дел не делали, даже вспомнить весело!» [Кони 1989с, с. 46]. Далее следовал рассказ об одном из таких дел — вынужденных плутовских проделках начальника и подчиненного, связанных с возвращением французскому послу, герцогу Монтебелло, украденного у него серебряного сервиза, — проделках, предпринятых для спасения чести и русской полиции, и русской монархии, а заодно для спасения собственной репутации вместе с материальным достатком [Кони 1989с, с. 46–48]. Закljučая повествование об этой истории и весь очерк, А. Ф. Кони пишет: «„Иван Дмитриевич, — сказал я (...) — а не находите вы, что о таких похождениях, может быть, было бы удобнее умалчивать? Иной ведь может подумать, что вы и до сих пор действуете по-шерстобитовски...“ — „Э-э-эх! Не те времена, и не такое мое положение, — отвечал он. — Знаю я, что похождения мои с Шерстобитовым не совсем-то удобны, да ведь давность прошла, и не одна...“» [Кони 1989с, с. 48]. В это время К. Л. Шерстобитова уже не было в живых. После смерти любимой жены в 1848 г. он ушел с полицейской службы (начало 1850-х гг.) и в 1866 г., когда его ученик был назначен начальником Санкт-Петербургской сыскной полиции, умер тихо, всеми забытый, найдя последний приют на Митрофановском кладбище Петербурга рядом с доброй своей супругой. Похоже, что Достоевский об этом не знал, так как среди записей к роману «Подросток» (1874 г.) оставил заметку, из которой ясно, что, по соображениям писателя, Карп Леонтьевич Шерстобитов (а именно о нем здесь идет речь) еще не покинул земную обитель: «О Шерстобитове (Путилин). Вид суровый, в доме у него канарейки поют, сам на гитаре играет, каменный дом имеет» (16; 184). Но, может быть, эта заметка связана с замыслом какого-нибудь сочинения о прежней жизни. Может быть тоже (и даже скорее всего), что рассказы Путилина о Шерстобитове всплыли в сознании писателя благодаря его недавним беседам с А. Ф. Кони на юридические темы (1873). В комментарии первого академического издания по этому поводу сказано: «О Шерстобитове (Путилин). — Купец Шерстобитов упомянут также в подготовительных материалах к „Преступлению и наказанию“ (см.: наст. изд., т. VII, стр. 45 и 402)» (17; 415). Однако упомянутый в черновиках к «Преступлению и наказанию» Шерстобитов (такие купцы, как известно,

в Петербурге действительно были) не имеет никакого отношения к тому, о котором Достоевскому и Кони рассказывал И. Д. Путилин.

Как бы то ни было, забытый всеми еще при жизни К. Л. Шерстобитов прочно удержался в памяти своего ученика, его слушателей и даже обрел неожиданное бессмертие в художественном творчестве Достоевского, отразившись некоторыми чертами характера и обстоятельствами жизни в характере и обстоятельствах жизни Маслобоева, начиная с общей картины его семейной идиллии и кончая подробностями домашней обстановки: «Ровно в семь часов вечера я уже был у Маслобоева (...) Видно было, что меня ожидали. Хорошенький томпаковый самовар (томпак — сплав меди с цинком. — *В. В.*) кипел на круглом столике, накрытом прекрасною и дорогою скатертью. Чайный прибор блистал хрусталем, серебром и фарфором. На другом столе, покрытом другого рода, но не менее богатой скатертью, стояли на тарелках конфеты (...) варенья киевские (...) мармелад, пастила, желе, французские варенья, апельсины, яблоки и трех или четырех сортов орехи, — одним словом, целая фруктовая лавка (...) За чайным столиком сидела Александра Семеновна хоть и в простом платье и уборе, но, видимо, изысканном и обдуманном, правда, очень удачно (...) Удовольствие и веселость сверкали на ее свеженьком личике. Маслобоев сидел в прекрасных китайских туфлях, в дорогом халате и в свежем щегольском белье. На рубашке его были везде, где только можно было прицепить, модные запонки и пуговики» (3; 330). Рекомендую гостю свою «великолепную хозяйку и распорядительницу», Маслобоев говорит: «Представь, дружище (...) Рубашку голландскую на меня напялили, запонки натыкали, туфли, халат китайский, волосы расчесала мне сама и распомадила...» и т. д. (3; 331). Александра Семеновна объясняет чрезвычайные приготовления тоскою по настоящим гостям: «Никто-то, никто-то не ходит к нам в гости; а только по утрам, по делам какие-то люди ходят; меня и прогонят. А между тем и самовары, и сервиз есть, и чашки хорошие — всё есть, всё дареное. И съестное-то нам носят (...) Целый год думала: вот придет гость, настоящий гость, мы все это и покажем, и угостим (...) а что его, дурака, напомадила, так он и не стоит того; ему бы всё в грязном ходить. Вон какой халат на нем: подарили, да стоит ли он такого халата? Ему бы только нализаться прежде всего» (3; 331). Канарейки и гитары у Маслобоева нет (во всяком случае, о них ничего не говорится), зато другие свидетельства благополучия и достатка, сплошь состоящие из «приношений», и среди них богатый шелковый халат, явно указывают на реальный источник всей этой «роскоши».

Модные запонки, пуговики, прочая блестящая мелочь, трансформировавшись в цепи, кольца и перстни, в дальнейшем украшают у Достоевского

полицейских чиновников низшего ранга, от Заметова в «Преступлении и наказании» (см.: 6; 76, 98—99; ср. далее: 6; 104) до молодого судебного следователя в «Братьях Карамазовых»: «Милый молоденький человечек был (...) большой шалун (...) С виду он был маленького роста, слабого и нежного сложения. На тоненьких и бледненьких пальчиках его всегда сверкали несколько чрезвычайно крупных перстней» (14; 408 и др.). Что касается халата (шелковый ли он, не шелковый ли), то после Маслобоева он тоже словно прилепился к героям Достоевского, служащим по полицейской части. При первом свидании Раскольников с Порфирием Петровичем этот «Порфирий Петрович был по-домашнему, в халате, в весьма чистом белье и в стоптанных туфлях» (6; 192). В сравнении с Маслобоевым, в его блестящем (в прямом смысле слова) облачении восседающим среди родных пенатов (3; 273), внешний вид Порфирия Петровича гораздо скромнее. Это понятно: другие времена — другие нравы. Да и служебный ранг не тот.

Надо сказать, что прототип (или один из прототипов) Порфирия Петровича, И. Д. Путилин, был человеком идеи (точнее, определенных охранительных убеждений) и страсти, но никак не корысти. Т. Ф. Прокопов пишет: «4 мая 1889 года тайный советник Путилин с вконец расстроенным здоровьем навсегда уходит на покой, поселившись в своем имении в Волхове. Здесь он и умер (...) 18 ноября 1893 года (...) Один из биографов Ивана Дмитриевича счел нужным завершить жизнеописание великого русского сыщика таким неброским, но существенным для всех нас свидетельством о его совершеннейшем бескорыстии: „Биография его не будет полной, если не закончить ее уверением, что после себя Путилин ничего не оставил семье, кроме пенсии“» [Прокопов, с. 7]. Т. Ф. Прокопов имеет в виду свидетельство М. В. Шевлякова [Шевляков 1901, с. 8]. Другой биограф, заканчивая жизнеописание детектива, замечает: «К сказанному остается прибавить, что после покойного не осталось никакого состояния... При жизни, с помощью жалованья и пенсии он еще мог всячески изворачиваться и мечтал даже удержать за собой приобретенную с помощью всяких банковских комбинаций и займов усадьбу. Но с его смертью рухнуло все. И движимое, и недвижимое пошло „с молотка“ для расчета с кредиторами... В руках наследников остались только отцовские записки да груды всяких интересных материалов» [Путилин 1990, с. 12]. В биографическом очерке «Польза. Честь. Слава»¹¹ одного из современных изданий о Путилине тоже сказано, что он был «неподкупен

¹¹ Девиз ордена Св. Владимира. Этим орденом (среди других русских и иностранных орденов) за годы своей службы Путилин был награжден дважды: 31 октября 1861 г. орденом Св. Владимира 4-й степени и 30 августа 1870 г. орденом Св. Владимира 3-й степени [Пиотровский, с. 69, 75].

и справедлив» и хотя получил потомственное дворянство и умер в чине тайного советника, «состояния не нажил» [Путилин 2003, т. 1, с. 19, 22].

Внешний вид, лицо и фигура Порфирия Петровича никак не напоминают Путилина; разве что отсутствие бакенбард и даже «что-то бабье» (6; 192) в облике литературного персонажа указывают (по противоположности) на живой оригинал, чьи густые бакенбарды, бросаясь в глаза, были слишком примечательны. Зато суть характера, приемы сыска и допроса (при всей, казалось бы, их рутине), а главное — умение разглядеть в известных случаях идеологическую (политическую) подоплеку (в юридических терминах — «идеологическая составляющая») уголовного преступления недвусмысленно отсылают к реальному прототипу. Будучи более или менее равнодушным к иным, даже весьма предосудительным, поступкам, Путилин тотчас настораживался, когда являлось подозрение «о мошенническом или политически неблагонадежном сообществе» [Антропов 1995, с. 308] или о неблагонадежности отдельных лиц, обративших на себя, к их несчастью, его заинтересованное внимание. Подчеркнем, что слежка за Раскольниковым началась, в сущности, сразу после знакомства Порфирия Петровича со статьей героя в «Периодической речи» (6; 198 и след.). Не случайно, что обсуждению этой статьи и далеко идущим из нее идеологическим и практическим выводам следователь посвящает первый допрос. Поразительная интуиция — так сказать, обостренное чутье и следователя Достоевского, и его реального прототипа¹², а также часто неожиданная, но всегда безупречная логика ведут детектива от внутреннего убеждения относительно того, кто совершил преступление, до обоснованного обвинения в злодействе. Провожая Раскольникова на первое свидание с Порфирием (в сущности, на первый допрос), Разумихин говорит: «„Очень, очень, очень желает с тобой познакомиться!“ — „Да с какой стати очень-то?“» (6; 189).

Об одном из своих сыскных дел Путилин писал: «Вспоминаю это старое дело 1859 года исключительно потому, что я сделал первоначальный розыск и дознался до истинного преступника исключительно путем логического вывода и долгое время считал его самым блестящим в моей практике. Но будущее чревато событиями — и последующие дела заслонили на время историю этого розыска...» [Путилин 1995, с. 103]. Тогда, доверяя логическим доводам, Путилин установил, что два преступления (убийство и ограбление), казавшиеся разрозненными, в действительности связаны друг с другом

¹² Не случайно один из публицистов герценовского «Колокола», характеризуя Путилина, в избытке негодования воскликнул: «Доморощенный Видок, обладающий уму непостижимым чутьем гончей собаки» [Прокопов, с. 5].

и исполнены одним лицом: «Тринадцатого июня были совершены оба преступления, а двадцать второго я представил все вещи и самого преступника (начальству. — В. В.). Шувалов (имеется в виду Санкт-Петербургский обер-полицмейстер генерал-майор граф Шувалов. — В. В.; см. [Пиотровский, Кудрявцев, Очкур, с. 61 и др.]) высказал (...) свое удивление моим способностям, но в то время я и сам был доволен и гордился этим делом, потому что все розыски были сделаны мною только на основании соображений, логически построенных» [Путилин 1995, с. 111]. Однако в трудных случаях, когда, как кажется, нет улик и следы потеряны, по необходимости приходилось опираться как раз на логические соображения. В подобных случаях участие петербургского сыщика в розыске было как нельзя более кстати. «В Петербурге в первой половине семидесятых годов, — вспоминал А. Ф. Кони, имея в виду годы личного знакомства с Путилиным, хотя такая ситуация сложилась раньше, — не было ни одного большого и сложного уголовного дела, в розыск по которому Путилин не вложил бы своего труда. Мне наглядно пришлось ознакомиться с его удивительными способностями для исследования преступлений в январе 1873 года, когда в Александро-Невской лавре было обнаружено убийство иеромонаха Иллариона» [Кони 1989с, с. 43–44]. Далее Кони рассказывает о поразительном по сообразительности и точности анализе преступления, произведенном сыщиком на месте злодеяния мгновенно и на глазах изумленного юриста [Кони 1989с, с. 44–45].

Именно логические аргументы в первую очередь (главные из которых он высказывает при очной встрече с злополучным героем) заставляют Порфирия Петровича сначала предположить в Раскольникове возможного преступника, а затем указать на него как на грабителя и убийцу. Уже при первом свидании Раскольникова с Порфирием становится ясно, что следователь не сомневается в том, что пришедший к нему незванный-непрошенный посетитель является виновником кровавой драмы. Отсюда «нескрываемая, навязчивая, раздражительная и *невежливая* язвительность Порфирия» (6; 202), его провокационные высказывания и вопросы, стремящиеся пробить или ослабить оборону противника, вынудить его утратить внимание и проговориться. Лишь чудом Раскольникову удалось избежать «ловушки», в которую заманивал его Порфирий и которая (в случае успеха замысла) позволила бы следователю в глаза и сразу назвать Раскольникова убийцей. Вместо Порфирия это делает неожиданно явившийся к герою тотчас после допроса и подозрительно похожий на следователя «мещанин в халате»:

«Мещанин (...) поднял глаза и зловещим, мрачным взглядом посмотрел на Раскольникова.

— Убивец! — проговорил он вдруг тихим, но ясным и отчетливым голосом... Раскольников шел подле него. Ноги его ужасно вдруг ослабели, на спине похолодело, и сердце на мгновение как будто замерло; потом вдруг застучало, точно с крючка сорвалось. Так прошли они шагов сотню, рядом и опять совсем молча.

Мещанин не глядел на него.

— Да что вы... что... кто убийца? — пробормотал Раскольников едва слышно.

— Ты убивец, — произнес тот, еще раздельнее и внушительнее и как бы с улыбкой какого-то ненавистного торжества, и опять прямо глянул в бледное лицо Раскольникова и в его помертвевшие глаза» (6; 209).

Позднее, в последнее свидание с Порфирием, тот открыто, уже без маски и тени сомнения, обвиняет Раскольникова в убийстве:

«— Как кто убил? — переговорил он, точно не веря ушам своим, — да вы убили, Родион Романыч! Вы и убили-с... — прибавил он почти шепотом, совершенно убежденным голосом <...>

— Это не я убил, — прошептал было Раскольников <...>

— Нет, это вы-с, Родион Романыч, вы-с, и некому больше-с, — строго и убежденно прошептал Порфирий» (6; 349).

Но убеждения следователя для официального обвинения мало. Чрезвычайно важно собственное признание преступника в совершенном злодействе. Правда, такое «признание» может быть (как в случае с Миколкой) самооговором¹³, но опытному следователю выяснить правду большого труда не составляет. Миколка не способен поколебать уверенности Порфирия, который позднее говорит Раскольникову: «Не хочу, чтобы вы меня за изверга почитали, тем паче, что искренно к вам расположен, верьте не верьте. Вследствие чего <...> и пришел к вам с открытым и прямым предложением — учинить явку с повинною. Это вам будет бесчисленно выгоднее, да и мне тоже выгоднее, — потому с плеч долой» (6; 350).

Сознание преступника, существенное в любых случаях, иногда бывает особенно необходимо. Так было, например, в деле об убийстве и ограблении военного австрийского агента князя Аренсберга (Аренберга) (1870 г.). Хотя против убийц имелись неопровержимые улики (у одного из них при обыске нашли золотые часы покойного и несколько французских золотых монет),

¹³ Еще об одном самооговоре Порфирий Петрович рассказывает Раскольникову при одном из свиданий (6; 266). Среди детективных историй, в которых пришлось разбираться И. Д. Путилину, были и истории с самооговором. См. рассказ «Доказательство любви» [Шевляков 2009, с. 47–51]. По-видимому, тот же случай лег в основу рассказа «Убивец» [Путилин 1990, с. 13–16].

преступники не признавали свою вину. «Моя задача (найти и назвать злодеев. — В. В.), как я думал, — спустя годы вспоминал Путилин, — была окончена с честью, а между тем я же должен был, как оказывалось (в представлении начальства. — В. В.), во что бы то ни стало добиться сознания. Это было необходимо для того, чтобы дать австрийскому послу уверенность, что арестованы были *настоящие* преступники (а не назначенные на эту роль подставные фигуры. — В. В.), о чем посол торопился дать знать в Вену. Убежденный, что общее мнение присутствовавших (при обсуждении вопроса полицейскими чинами. — В. В.) не оскорбит меня подозрением в способности употребить насилие для вынуждения признания у обвиняемых, и получив массу уверений, что успех, если он будет достигнут, будет отнесен к искусству моему и навыку, я решил приступить к окончательному допросу» [Путилин 1995, с. 23; курсив автора]. Искусно построенный допрос быстро привел к желаемому финалу.

Собственное признание чрезвычайно важно и в деле Раскольников, поскольку прямых улик против преступника, как кажется, нет, а косвенные выглядят двусмысленно. Выйдя от Порфирия с Разумихиным после первого допроса, Раскольников объясняет ситуацию: «...у них нет факта, ни одного, — всё мираж, всё о двух концах, одна идея летучая — вот они (Порфирий и Заметов. — В. В.) и стараются наглостью сбить. А может, и сам (Порфирий. — В. В.) озлился, что фактов нет, с досады прорвался. А может, и намерение какое имеет... Он человек, кажется, умный... Может, напугать меня хотел тем, что знает... Тут, брат, своя психология...» (6; 206). Предположение о том, что Порфирий хотел напугать Раскольника, выбить тем самым его из равновесия и колеи, подтверждается смертельным страхом, который испытал Раскольников, едва расставшись со следователем, когда, вернувшись домой, он судорожно ищет украденные вещи, способные «выступить {...} неожиданною и неотразимою уликой» (6; 208), и позднее, когда, не успев успокоиться от мысли об уликах, он слышит от мещанина в халате обвинение в убийстве (6; 209). С тех пор пароксизмы страха разоблачения, провоцируемые Порфирием (и не только им), не оставляют убийцу.

Двусмысленность видимых улик и связанной с ними «психологии», обличающих Раскольника, а вместе с тем допускающих и сомнение в его вине, очевидна не только преступнику, но и следователю. При втором допросе Порфирий заявляет: «Вы вот изволите теперича говорить: улики (надо сказать, что Раскольников пока ничего не говорил Порфирию про улики. — В. В.); да ведь оно, положим, улики-с, да ведь улики-то, батюшка, о двух концах, большею-то частью-с, а ведь я следователь, стало быть, слабый человек, каюсь: хотелось бы следствие, так сказать, математически ясно представить,

хотелось бы такую уличку достать, чтоб на дважды два — четыре походило! На прямое и бесспорное доказательство походило бы!» (6; 261; ср.: 6; 344). Мотив улики и психологии «о двух концах» повторяется (см.: 6; 268, 275, 276, 323, 346, 349—350 и др.). Однако эта двусмысленность не спасает убийцу, и именно потому, что она может быть повернута не только в пользу преступника, но и против него. Играя с Раскольниковым и забавляясь такой игрой, Порфирий говорит: «Я лгу?.. Ну а как я с вами давеча поступил ⟨...⟩ сам вам подсказывая и выдавая все средства к защите, сам же вам всю эту психологию подводя: „Болезнь, дескать, бред, разобижен был; меланхолия да квартальные“, и всё это прочее? А? Хе-хе-хе! Хотя оно, впрочем, — кстати скажу, — все эти психологические средства к защите, отговорки да увертки, крайне несостоятельны, да и о двух концах: „Болезнь, дескать, бред, грезы, мерещилось, не помню“, всё это так-с, да зачем же, батюшка, в болезни-то да в бреду всё такие именно грезы мерещутся, а не прочие? Могли ведь быть и прочие-с? Так ли? Хе-хе-хе-хе!» (6; 268). И хотя позднее, при третьем свидании, Порфирий говорит, что, например, в случае с «мещанинишкой», уличившим было Раскольникова в убийстве, «второй-то конец» психологии о двух концах (тот, что в пользу преступника) «больше будет» и что кроме показаний «мещанинишки» у него против Раскольникова «пока и нет ничего» (6; 350), в действительности дело обстоит иначе. Не случайно сразу вслед за словами об отсутствии однозначных и неопровержимых улик следователь предлагает преступнику «явку с повинною» (6; 350).

Кстати, об уликах. Главная из них — это, конечно, сам Раскольников. Что бы он ни придумывал в свое оправдание, он все-таки убийца (ср. слова Свидригайлова: «Очень уж вы себя выдаете, Родион Романыч» — 6; 357). И в этом качестве он не представляет для следователя никакой загадки: «Ведь я знаю, как вы *квартиру-то нанимать ходили*, под самую ночь ⟨...⟩ да в колокольчик стали звонить, да про кровь спрашивали, да работников и дворников с толку сбили. Ведь я понимаю настроение-то ваше душевное, тогдашнее-то... да ведь все-таки этак вы себя просто с ума сведете, ей богу-с! Закружитесь!» (6; 265). И далее: «Эдак можно и горячку нажить, когда уж этакое поползновение нервы свои раздражать являются, по ночам в колокольчики ходить звонить да про кровь расспрашивать! Эту ведь я психологию-то изучил всю на практике-с» (6; 266). В одном из рассказов Р. Л. Антропова Путилин, тайно поджидая убийцу у трупа очередной жертвы, говорит другу и помощнику по следственной работе: «Видишь ли: несколько раз в моей практике приходилось убеждаться, что какая-то таинственная, непреодолимая сила влечет убийц поглядеть на своих жертв» [Антропов 2003, с. 107]. Предположения Путилина, учитывавшего собственный опыт

и опыт других криминалистов, оправдались, как были оправданными и соображения Порфирия.

Вся цепочка улик против Раскольникова, начиная со злополучной статьи и кончая более поздними и более осязательными фактами (их перечисляет Порфирий в последнее свидание с преступником) имеет косвенный характер. Среди них наиболее важными можно считать «колокольчики» (наем квартиры) и свидетельство «мещанина в халате», прямо обвинившего Раскольникова в убийстве. Что касается «колокольчиков», то неопределенность этого показания (очевидная и для следователя, и для преступника) лишает его достаточной доказательной силы. Остается «мещанин в халате». Но и с мещанином, как объясняет тот же Порфирий, тоже получается одна неопределенность и «психология». Следователь говорит Раскольникову при том же последнем свидании: «Приведу я, например, уличать вас мещанишку, а вы ему скажете: „Ты пьян аль нет? Кто меня с тобой видел? Я тебя просто за пьяного и принимал, да ты и был пьян“, — ну что я вам тогда на это скажу, тем паче, что ваше-то еще правдоподобнее, чем его, потому что в его показании одна психология, — что его рылу даже и неприлично, — а вы-то в самую точку попадаете, потому что пьет, мерзавец, горькую и слишком даже известен. Да и сам я вам откровенно признавался (...) что психология эта о двух концах и что второй-то конец больше будет, да и гораздо правдоподобнее, а что, кроме этого, против вас у меня пока и нет ничего» (6; 349–350).

Подсказывая Раскольникову доводы против опасного свидетеля (до которых сам герой не додумался бы, да и не стал бы думать: не в том он был состоянии), Порфирий лукавил. Он не мог не знать, что «мещанина в халате» и Раскольникова видел дворник и что этот мещанин (дворник мог бы это подтвердить) был трезв (6; 208–209). Защищая по видимости преступника, Порфирий в действительности защищал себя. Свидетель, дважды явившийся перед Раскольниковым и заставивший его пережить сначала смертельный ужас, а затем неоправданное торжество свободы от него, сделал свое дело и теперь, выведенный из игры, должен был покинуть сцену. Для Порфирия Петровича он был лишь средством (которое в иных формах следователь применяет и во время допросов), лишь одним из приемов в изматывающей преступника борьбе и психологической пытке, чтобы побудить убийцу, бросаемого из крайности в крайность (от надежды к отчаянию и от отчаяния к надежде), отказаться от сопротивления и сознаться в злодействе. Зная характер Раскольникова, его впечатлительность, нетерпеливость, раздражительность, высокомерие, готовность выскочить и доказать свое превосходство, следователь действовал почти наверняка. С первого своего

появления и до конца «мещанин в халате» остается на заднем плане тревог и страхов убийцы как угроза возможного и страшного разоблачения.

Однако в обвинениях «мещаниншки», как выясняется, ничего страшного нет («одна психология», да и та «о двух концах»), вообще ничего нет, даже и «психологии», поскольку на деле нет обвинителя. Ведь в роли «мещанина в халате» выступил сам Порфирий. Именно он дважды приходил к убийце сразу после допросов, и он же, скорее всего, а не какой-нибудь его агент, был среди тех, кто видел Раскольникова, выходящего из квартиры старухи после разговора с работниками и «колокольчиков»: «Несколько людей стояло при самом входе в дом с улицы, глаза на прохожих: оба дворника, баба, мещанин в халате и еще кое-кто» (6; 134). Этот мещанин и предлагал отвести Раскольникова «в контору» (6; 135). Такая практика в расследовании обычна. Ср. в одном из дел Путилина об убийстве: «Целая рать самых опытных, искусных агентов, „замешавшись“ в толпе, зорко приглядывалась и внимательно прислушивалась к лицам толпы и их открытым речам» [Антропов 1995, с. 165]. Опустим другие переключки в приемах работы Порфирия Петровича и Путилина (игра «кошки с мышью», «поддавки», сбивание с толку, запутывание и т. д.) [Путилин 1995, с. 100, 110 и др.], так как подобные приемы используются в любой следовательской работе и они менее впечатляют, чем переодевания и актерство.

Утверждению тождества Порфирия Петровича и «мещанина в халате»¹⁴ противоречит, как кажется, тот факт, что во время второго допроса Раскольникова этот мещанин будто бы находился рядом с кабинетом Порфирия, за перегородкой. Свидетель должен был явиться перед убийцей, уже не владеющим собой и до крайности уставшим, в виде обличающего «сюрприза»:

«— Сюрпризик-с, вот тут, за дверью у меня, хе-хе-хе! (Он указал пальцем на запертую дверь в перегородке, которая вела в казенную квартиру его).

— Я и на замок припер, чтобы не убежал.

— Что такое? где? что? — Раскольников подошел было к двери и хотел отворить, но она была заперта» (6; 269).

«Сюрприз» не состоялся из-за Миколки, спутавшего «игру» Порфирия. Он не состоялся бы и без Миколки (о чем следователь мог заранее позаботиться), так как за запертой дверью (как раз на тот случай, чтобы туда не заглянул Раскольников) не было никакого «мещанина в халате», а был только «халат». Помещение за перегородкой, ведущее в казенную квартиру Порфирия, было, судя по всему, его гримеркой и гардеробной.

¹⁴ Подробно об этом см.: [Ветловская 2008].

Такая гардеробная была у Путилина. Р. Л. Антропов пишет (рассказ «Мельница в Гусевом переулке»):

«— Ну, господа, прошу покорно в мою гардеробную!

В комнате, находившейся рядом с его служебным кабинетом, хранились знаменитые „путилинские чудеса“ по части поразительных, волшебных превращений.

Несколько шкафов были сплошь набиты костюмами, одежаниями всевозможного характера.

Тут рядом с „мантией Антихриста“ висел костюм трубочиста; там бок о бок с блестящим мундиром гвардейского полковника красовались отрепья нищего (...) Близ больших шкафов находились небольшие, со стеклами, шкафчики, в которых были расположены парики, усы, бороды, накладки.

Два туалетных столика: на них — все аксессуары грима: краски, пудра, белила, румяна, карандаши, щеточки...

Это была поистине удивительная лаборатория».

Нарядив и преобразив всех, Путилин отправил их в свой кабинет, а сам задержался в гардеробной. Скоро собравшиеся в кабинете услышали:

«— Скажите, пожалуйста, господа, могу я видеть его превосходительство господина Путилина? — раздался чей-то хриплый бас.

Мы обернулись.

На пороге кабинета стоял коренастый господин с черными волосами, густыми длинными бакенбардами „котлеткой“, с одутловатым лицом. Видимо, он был не дурак выпить.

Одет был новый посетитель в коричневый фрак, белый жилет, белый галстук. Чудовищно толстая цепь колыхалась на животе его.

— Мне-с по экстренному делу! — продолжал оригинальный гость.

— Войдите, г. Путилин сейчас будет здесь... — ответил я.

— А как же это ты, доктор, в мой кабинет, без моего разрешения посетителей принимаешь? — расхохотался господин в коричневом фраке.

Я только руками развел.

Это был Путилин» [Антропов 2003, с. 175, 176–177].

Превращения, к которым прибегал знаменитый следователь и благодаря которым его не узнавали даже близкие ему люди (таких примеров немало в рассказах о нем), для И. Д. Путилина были привычным делом¹⁵.

¹⁵ Автор биографического очерка о нем писал, что уже в самом начале своей карьеры Путилин «из любви к искусству, в свободные часы переодевался (...) и посещал всякого вида и рода постоянные дворы, притоны, трактиры и вертепы». Это было далеко не безопасно, и однажды его так избили, что он насилу ушел. «Этот урок, впрочем, нисколько не охладил усердия молодого человека, и он продолжал свою практику. Зато разыгрывать роли, то чернорабочего, то купца, то

Они требовали незаурядного актерского таланта. Этим талантом мог похвалиться не один прославленный сыщик — и реальный (например, Видок), и литературный (Шерлок Холмс)¹⁶. Им наделен у Достоевского и Порфирий Петрович.

Рекомендуя следователя Раскольникову при первом свидании, Разумихин говорит:

«— Да ведь всё притворяется, черт! (...) Ведь он это всё нарочно, ты еще не знаешь его, Родион! И вчера их сторону принял, только чтобы всех одурачить (...) Прошлого года уверил нас для чего-то, что в монахи идет (...)! Недавно вздумал уверять, что женится, что всё уж готово к венцу. Платье даже новое сшил (...)

— В самом деле вы такой притворщик? — спросил небрежно Раскольников.

— А вы думали, нет? Подождите, я и вас проведу — ха-ха-ха!» (6; 197–198).

Порфирий осуществил свою угрозу гораздо раньше, чем можно было ожидать: в виде «мещанина в халате» он явился к убийце сразу после первого свидания-допроса. И хотя позднее, во время второго допроса, стараясь оскорбить и унижить Порфирия, Раскольников говорит об его актерстве («...лжешь, полишинель проклятый!» — 6; 269), герой не подозревает, до какой степени, унижающей его самого, он прав: ведь Порфирий в чужом обличье дурачил преступника буквально на его глазах, а тот об этом даже не догадывался. Следователь проделал этот фокус еще раз, сразу после второго допроса, и с таким же успехом.

Но как выглядит общая ситуация? Если у Порфирия Петровича, как он сам признается, «мещанин в халате» — главная улика против Раскольникова, то у следователя вообще нет доказательств его вины. Все остальные улики, о которых говорит Порфирий (6; 345–346, 348), остаются на уровне более или менее обоснованных подозрений. Но «изо ста кроликов никогда не составит лошадь, изо ста подозрений никогда не составит доказательства», как утверждает английская пословица, которую здесь цитирует Порфирий (6; 345). Между тем сразу вслед за такими невыгодными для него признаниями, к которым, заметим, следователя никто не принуждал, он

босьяка, то даже духовного лица, он научился в совершенстве, и это в течение всей его дальнейшей карьеры сослужило ему немалую службу» [Путилин 1990, с. 10].

¹⁶ Скрываясь то от полиции, то от воров и бандитов, Видок все время перевоплощался: «Под чужими именами и личинами он втирался в доверие к ворам, грабителям и убийцам. При этом ловко носил как лохмотья бродяг, так и фраки аристократов. Мог прикинуться даже дамой под вуалью» [Макарова]. Подобным талантом обладал Шерлок Холмс, см.: [Дойл, с. 326].

обещает арестовать убийцу и посадить в острог, а во избежание этого — настойчиво предлагает ему «учинить явку с повинною» (6; 350). Всё это кажется странным. Поэтому Раскольников не спешит сдаваться:

«— Послушайте, Порфирий Петрович, вы ведь сами говорите: одна психология, а между тем въехали в математику. Ну что, если и сами вы теперь ошибаетесь?»

— Нет, Родион Романыч, не ошибаюсь. Черточку такую имею. Черточку-то эту я и тогда ведь нашёл-с; послал Господь!

— Какую черточку?

— Не скажу какую, Родион Романыч» (6; 350).

Выходит, что, помимо сомнительной «психологии», о которой, не скупясь на слова и плетя свою паутину, распространяется Порфирий Петрович, он владеет более серьезными доказательствами вины Раскольникова, о которых молчит. По поводу своих и слов, и молчания он заявляет: «Эх, Родион Романыч, не совсем словам верьте (...) Я, может быть, и сам от вас кой-что даже и теперь (при третьем, последнем свидании. — *В. В.*) скрываю-с. Не всё же мне вам так взять да и выложить, хе-хе!» (6; 350). И далее: «Вы мне, Родион Романыч, на слово-то, пожалуй, и не верьте, пожалуй, даже и никогда не верьте вполне, — это уж такой мой нор, согласен...» (6; 352). Дело, конечно, не только в «нор», но и в профессиональных целях и способах дознания. Прямые, «математически» неопровержимые доказательства вины преступника, о которых ранее говорил Порфирий (6; 261), он, по-видимому, собирался «выложить» при дальнейших допросах, уже в остроге. О пристрастии Порфирия к конкретным фактам и «математическим» доказательствам в свое время рассказывал Раскольникову Разумихин, характеризуя следователя и его приемы: «Недоверчив, скептик, циник (...) Ну и материальный старый метод...» Имеются в виду факты и вещественные свидетельства вины (6; 189). В этом не раз признавался и сам Порфирий, в том числе — при последнем свидании с преступником: «Нет, думаю, мне бы хоть черточку! хоть бы самую махочкую черточку, только одну, но только такую, чтоб уж этак руками можно взять было, чтоб уж вещь была, а не то что одну эту психологию» (6; 344). Добыванием таких «вещей» и бесспорных улик озабочен любой следователь, ведь только они завершают следствие и ведут к судебному приговору даже и тогда, когда преступник в содеянном не сознается¹⁷.

¹⁷ Напомним, что наличие подобных вещей, например, в деле об убийстве князя Людвига фон Аренсберга (д'Аренсберга) Путилин считал вполне достаточным для окончания следствия и обвинения.

Когда Порфирий Петрович говорил Раскольникову об улике, которая была бы «вещью» и которую «этак руками можно взять было», он такой «вещью» (и, возможно, не одной), разумеется, уже обладал: «послал Господь!». Поскольку мне приходилось подробно писать об этом [Ветловская 2020а, с. 249–254; 2020b, с. 146–148], ограничусь немногим.

Неопровержимые доказательства вины Раскольникова Порфирий Петрович мог получить лишь в результате обыска: «Вы что думаете: я у вас тогда не был с обыском (ранее он утверждал, что не был; см.: 6; 268. — *В. В.*)? Был-с, был-с, хе-хе, был-с, когда вы вот здесь больной в постельке лежали. Не официально и не своим лицом (то есть переодевшись и кем-то прикинувшись. — *В. В.*), а был-с. До последнего волоска у вас, в квартире, было осмотрено, по первым даже следам; но — *imsonst* (тщетно, *нем.* — *В. В.*)!» (6; 346). Последнему утверждению противоречит продолжение: «Думаю: теперь этот человек придет, сам придет, и очень скоро; коль виноват, так уж непременно придет. Другой не придет, а этот придет (...) Жду-с! Жду вас изо всех сил (...) смотрю, а вас Бог и дает — идете! (...) Ну зачем вам было тогда приходиться? Смех-то, смех-то ваш, как вошли тогда (...) а не жди я вас таким особенным образом, и в смехе вашем ничего бы не заметил» (6; 346). Зная о Раскольникове гораздо больше, чем тому бы хотелось, Порфирий сразу разглядел в его смехе игру, так как в действительности убийце, уж конечно, было не до смеха.

Следователь осматривал квартиру Раскольникова в тот момент, когда тот был в беспмятстве и бредил. Как позднее рассказал Разумихин, отвечая на настойчивые расспросы Раскольникова, он бредил о каких-то сережках, цепочках, носке, бахроме на панталонах и проч. (6; 98–99). До Разумихина и его «приятелей» (Зосимова, Заметова) этот бред, несомненно, слышал Порфирий. В отличие от других посетителей, навещавших больного, он не мог не разобраться, в чем тут дело. Однако на этот счет Порфирий молчит. Тема подозрительного бреда и его подробностей не возникает ни в одном из разговоров следователя с убийцей. Почему? Вероятно, потому, что эти подробности (сережки, цепочки и проч.) прямо связаны с тем, что следователь тогда «нашел» («послал Господь!»). Это были уже материальные доказательства преступления — вещь или вещи, которые «этак руками можно взять было», а не какая-то там «психология». Ведь когда Раскольников скрывал улики, он «себе не принадлежал», он был болен (6; 98). Болезнь настигла его во время злодейского убийства и далее не отпускала. Для начала, убегая с места преступления, он обронил «коробку с золотыми сережками и с камушками» (которую вскоре подобрал Миколка — 6; 106) и даже не заметил. Затем, добравшись до своей каморки и уничтожая улики,

он забывал то одно, то другое, был несобран, рассеян (6; 73–74) и сам понимал, что «соображение его ослабело, раздроблено... ум помрачен...» (6; 72). Более тщательный осмотр квартиры, чтобы в ней нельзя было при обыске вдруг обнаружить какую-нибудь цепочку, запонку, сережку, бумажку, подписанную рукой старухи, и т. д., Раскольников предпринимает уже после того, как в квартире побывал Порфирий (6; 99, 208). Всё, что в больном, помраченном состоянии пропустил и не заметил Раскольников, не мог пропустить и не заметить Порфирий, у которого с соображением, умом и, главное, профессионально цепким вниманием не было никаких проблем. Это особое внимание следователя неприятно удивило Раскольникова во время первого же свидания и допроса: «Как это вы так заметливы?...» (6; 194). Подобного свойства не только во время болезни, но и вообще, как сразу увидел Порфирий, не было у несчастного убийцы: «Какой, однако ж, у вас характер! Живете так уединенно, что таких вещей, до вас прямо касающихся, не ведаете. Это ведь факт-с» (6; 198).

Поскольку Порфирий Петрович с самого начала располагает доказательствами вины Раскольникова, он с самого начала и обращается с ним как с преступником. Правда, путая его (и не только его, но и читателя), он упорно утверждает, что никаких серьезных улик против убийцы у него нет. Но, как объясняет Раскольников Разумихину после первого допроса: «Тут, брат, своя психология...» (6; 206). Об этой психологии Порфирий рассуждает во время второго допроса: «...считай я, например, того, другого, третьего за преступника, ну зачем, спрошу, буду я его раньше срока беспокоить, хотя бы я и улики против него имел-с? Иного я и обязан, например, заарестовать поскорее, а другой ведь не такого характера, право-с...» (6; 260). И далее: «...засади его не вовремя, — хотя бы я был и уверен, что это *он*, — так ведь я, пожалуй, сам у себя средства отниму к дальнейшему его обличению, а почему? А потому, что я ему, так сказать, определенное положение дам, так сказать, психологически его определю и успокою, вот он и уйдет от меня в свою скорлупу» — замолчит, отняв всякие средства «к дальнейшему (...) обличению» (6; 261). Между тем еще до ареста, до предъявления вещественных улик, лишь в ходе изматывающих преступника допросов Порфирий заставляет его не раз проговориться и, в сущности, признать вину. Ср., например:

«— Я всё, всё понимаю! — подскочил он к нему (Раскольников к Порфирию. — *В. В.*). — Ты лжешь и дразнишь меня, чтоб я себя выдал...

— Да уж больше и нельзя себя выдать, батюшка, Родион Романыч» (6; 269; см. также: 6; 267, 351).

И все-таки следователь продолжает добиваться прямого признания в преступлении и явки с повинной. Только такой финал выгоден и следова-

телю, и преступнику. Первому — потому, что дает основание закрыть дело (и «с плеч долой»), второму — потому, что явка с повинной обещает облегчение наказания, то есть по суду — уменьшение срока заключения (6; 350). И если в скорейшем и успешном окончании расследования можно усмотреть личную заинтересованность Порфирия Петровича и корысть, то в уменьшении срока преступнику для следователя нет никакой корысти. Однако оно устраивает и Порфирия. Он даже собирается со своей стороны сделать все, чтобы оно было максимальным (6; 350), и позднее так и поступает (6; 411).

При последнем свидании с Раскольниковым Порфирий Петрович сам объясняет движущие им мотивы: «Не хочу, чтобы вы меня за изверга почитали, тем паче, что искренно к вам расположен, верьте не верьте» (6; 350). Преступление молодого человека, по его мнению (и так и было на самом деле), — результат скороспелой, не додуманной до конца и отвлеченной от жизни теории, «вроде помрачения какого-то», с которым преступник ввиду сложившейся ситуации не сумел совладать: «Теорию выдумал, да и стыдно стало (...) что уж очень не оригинально вышло! Вышло-то подло, это правда, да вы-то все-таки не безнадежный подлец. Совсем не такой подлец!» (6; 351). Это обстоятельство оставляет место состраданию. Поэтому словам Порфирия Петровича о расположении к едва вступающему в жизнь и тяжело оступившемуся молодому человеку нельзя отказать в доверии.

Надо сказать, что и реальный прототип Порфирия Петровича, И. Д. Путилин, нередко испытывал подобное чувство. В биографическом очерке о нем («Польза. Честь. Слава») сказано, что он обычно считал преступника «лишь несчастным человеком, заслуживающим сострадания. Делал для него все, что мог и что вправе был сделать, не оставляя безнаказанным преступление» [Путилин 2003, т. 1, с. 19]. Бывало и так (в случаях, когда нарушение закона было не слишком серьезным), что Путилин, видя непритворное раскаяние, вообще отпускал виновных. Например, в рассказе «Голь на выдумки хитра» М. В. Шевляков пишет: «Актеры рассказали о своем безвыходном положении, которое довело их до предосудительного поступка (речь идет о мелком мошенничестве. — В. В.). Иван Дмитриевич очень ценил раскаяние и, умея отличать действительных преступников от случайных, дело производством прекратил, не подвергнув виновных никакому наказанию» [Шевляков 2009, с. 143]. Сходным образом заканчивается и рассказ «Странный случай»: «Они (нищий бывший студент и его приятель. — В. В.) чистосердечно признались Ивану Дмитриевичу в шалости, имевшей такие странные последствия. Отобрав у них триста рублей, то есть сумму похищенную, Путилин не дал хода делу и освободил молодых людей от уголовного преследования. Доброе сердце Ивана Дмитриевича подсказало, что

это не преступники...», то есть не закоренелые злоумышленники и любители легкой наживы [Шевляков 2009, с. 139]. Впрочем, сострадание к несчастным нарушителям закона и помощь им вообще была нередкой в русской юридической практике.

Литература

- Антропов 1995 — *Антропов Р. Л. (Роман Добрый)*. Гений русского сыска // Среди убийц и грабителей: И. Д. Путилин. Записки начальника Санкт-Петербургской сысшной полиции. М.: Современник, 1995. С. 161–339.
- Антропов 2003 — *Антропов Р. Л.* Сыщик Санкт-Петербургской полиции. М.: Эксмо, 2003. 352 с.
- Васильев — *Васильев К.* Торжество вымысла и скудость литературно-исторических изысканий // Шевляков М. В. Роковое совпадение: По рассказам бывшего начальника Санкт-Петербургской сысшной полиции И. Д. Путилина. СПб.: Авалонъ; Азбука классика, 2009. С. 186–193.
- Ветловская 2002 — *Ветловская В. Е.* Логика положений: «Тот свет» в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского // Ветловская В. Е. Анализ эпического произведения: Проблемы поэтики. СПб.: Наука, 2002. С. 125–153.
- Ветловская 2008 — *Ветловская В. Е.* Литературные и реальные прототипы героев Достоевского: («Мещанин в халате» в «Преступлении и наказании») // Русская литература. 2008. № 1. С. 194–205.
- Ветловская 2020а — *Ветловская В. Е.* Логическая основа художественного текста, или Что скрывает Порфирий Петрович в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, № 1. С. 249–254.
- Ветловская 2020б — *Ветловская В. Е.* Современное прочтение Ф. М. Достоевского: Размышления на темы книги Х.-Ю. Геригка «Литературное мастерство Достоевского в развитии: От „Записок из Мертвого дома“ до „Братьев Карамазовых“» // *Dostoevsky Studies: The Journal of the International Dostoevsky Society. New Series.* 2020. Vol. 23. P. 146–148.
- Горбунов — *Горбунов И. Ф.* Юмористические рассказы и очерки. М.: Московский рабочий, 1962. 256 с.
- Дойл — *Дойл А. К.* Приключения Шерлока Холмса. М.: Изд-во Э, 2018. 352 с.
- Достоевский 1972–1990 — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- Елец — *Елец Ю. Л.* Биография Всеволода Владимировича Крестовского // *Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского.* СПб.: Общественная польза, 1899. Т. 1: Петербургские трущобы: Книга о сытых и голодных. Ч. I–IV. С. III–LV.
- Кони 1989а — *Кони А. Ф.* Иван Федорович Горбунов // Кони А. Ф. Воспоминания о писателях. М.: Правда, 1989. С. 251–356.
- Кони 1989б — *Кони А. Ф.* Достоевский // Кони А. Ф. Избранное. М.: Советская Россия, 1989. С. 157–172.
- Кони 1989с — *Кони А. Ф.* Из записок и воспоминаний судебного деятеля: Иван Дмитриевич Путилин // Кони А. Ф. Избранное. М.: Советская Россия, 1989. С. 42–48.
- Крестовский — *Крестовский В. В.* Петербургские трущобы: Книга о сытых и голодных: Роман в шести частях. М.: Правда, 1990. Ч. I–IV, гл. I–LVIII. 736 с.

- Лемке — *Лемке М. К.* Политические процессы в России 1860-х гг.: (По архивным документам). 2-е изд. М.; Пгр.: ГИЗ, 1923. 864 с.
- Ломачевский — *Ломачевский А.* Рассказы из прежней полицейской службы в Петербурге // Пиотровский В., Кудрявцев Д., Очкур Р. Русская полиция: Громкие преступления прошлого и подлинные истории их раскрытия. М.; СПб.: Астрель—СПб., 2007. С. 202–209.
- Макарова — *Макарова Л.* Многоликий секрет Парижа // Загадки истории. 2020. № 9. С. 28.
- Милюков — *Милюков А. П.* Литературные встречи и знакомства. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1890. 281 с.
- Нечаева 1972 — *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», 1861–1863. М.: Наука, 1972. 320 с.
- Нечаева 1975 — *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха», 1864–1865. М.: Наука, 1975. 304 с.
- Орнатская — *Орнатская Т. И.* Редакционный литературный кружок Ф. М. и М. М. Достоевских (1860–1865 гг.) // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1988. Т. 8. С. 247–262.
- Орнатская, Туниманов — *Орнатская Т., Туниманов В.* Альбом племянницы Ф. М. Достоевского // Ленинградская панорама: Лит.-критич. сб. Л.: Советский писатель, 1988. С. 350–365.
- Пикуль — *Пикуль В.* Старое, доброе время // Пикуль В. Миниатюры. М.: Вече, 2015. С. 511–522, 600 (коммент. А. И. Пикуль).
- Пиотровский — *Пиотровский В.* Легенда русской полиции // Пиотровский В., Кудрявцев Д., Очкур Р. Полиция Российской империи. 175-летию Ивана Дмитриевича Путилина и 140-летию учреждения Сысской полиции посвящается. М.; СПб.: Астрель—СПб., 2005. С. 72–80.
- Пиотровский В., Кудрявцев Д., Очкур Р. — *Пиотровский В., Кудрявцев Д., Очкур Р.* Полиция Российской империи. 175-летию Ивана Дмитриевича Путилина и 140-летию учреждения Сысской полиции посвящается. М.; СПб.: Астрель—СПб., 2005. 282 с.
- Прокопов — *Прокопов Т. Ф.* Русский Шерлок Холмс // Среди убийц и грабителей: И. Д. Путилин. Записки начальника Санкт-Петербургской сысской полиции. М.: Современник, 1995. С. 5–8.
- Путилин 1990 — Преступления, раскрытые начальником С.-Петербургской полиции И. Д. Путилиным. М.: Юридическая литература, 1990. 263 с.
- Путилин 1995 — *Путилин И. Д.* Записки начальника Санкт-Петербургской сысской полиции // Среди убийц и грабителей: И. Д. Путилин. Записки начальника Санкт-Петербургской сысской полиции. М.: Современник, 1995. С. 9–160.
- Путилин 2003 — Шеф сысской полиции Санкт-Петербурга Иван Дмитриевич Путилин. Соч.: В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2003. Т. 1. 480 с.; Т. 2. 604 с.
- Тихомиров — *Тихомиров Б. Н.* «Лазарь! гряди вон»: Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2016. 560 с.
- Шевляков 1901 — *Шевляков М. В.* Из области приключений: По рассказам бывшего начальника С.-Петербургской сысской полиции И. Д. Путилина (с его портретом и биографией). М.: Т-во И. Д. Сытина, 1901. 200 с.
- Шевляков 1995 — *Шевляков М. В.* По рассказам бывшего начальника Санкт-Петербургской сысской полиции И. Д. Путилина: Дореформенная полиция //

- Среди убийц и грабителей: И. Д. Путилин. Записки начальника Санкт-Петербургской сысской полиции. М.: Современник, 1995. С. 340–411.
- Шевляков 2009 — Шевляков М. В. Роковое совпадение: По рассказам бывшего начальника Санкт-Петербургской сысской полиции И. Д. Путилина. СПб.: Авалонь; Азбука классика, 2009. 288 с.

References

- Antropov, R. L. (Roman Dobryi) (1995). 'Genii russkogo syska', in: *Sredi ubiits i grabitelei: I. D. Putilin. Zapiski nachal'nika Sankt-Peterburgskoi sysknoi politzii*. Moscow: Sovremennik, 161–339.
- Antropov, R. L. (2003). *Syshchik Sankt-Peterburgskoi politzii*. Moscow: Eksmo, 352 p.
- Dostoevskii, F. M. (1972–1990). *Polnoe sobranie sochinenii*. Leningrad: Nauka, 30 vols.
- Doyle, A. C. (2018). *Priklucheniya Sherloka Kholmsa*. Moscow: Izdatel'stvo E, 352 p.
- Elets, Yu. L. (1899). 'Biografiya Vsevoloda Vladimirovicha Krestovskogo', in: *Sobranie sochinenii Vsevoloda Vladimirovicha Krestovskogo*. Saint Petersburg: Obshchestvennaya pol'za. Vol. 1: Peterburgskie trushchoby: Kniga o sytykh i golodnykh, chast' I–IV, glavy I–LVIII, III–LV.
- Gorbunov, I. F. (1962). *Yumoristicheskie rasskazy i ocherki*. Moscow: Moskovskii rabochii, 256 p.
- Koni, A. F. (1989). 'Dostoevskii', in: Koni, A. F. *Izbrannoe*. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 157–172.
- Koni, A. F. (1989). 'Ivan Fedorovich Gorbunov', in: Koni, A. F. *Vospominaniya o pisatelyakh*. Moscow: Pravda, 251–356.
- Koni, A. F. (1989). 'Iz zapisok i vospominanii sudebnogo deyatelya: Ivan Dmitrievich Putilin', in: Koni, A. F. *Izbrannoe*. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 42–48.
- Krestovskii, V. V. (1990). *Peterburgskie trushchoby: Kniga o sytykh i golodnykh: Roman v shesti chastyakh*. Moscow: Pravda. Chast' I–IV, glavy I–LVIII, 736 p.
- Lemke, M. K. (1923). *Politicheskie protsessy v Rossii 1860-kh gg.: (Po arkhivnym dokumentam)*. 2-e izd. Moscow; Petrograd: GLZ, 864 p.
- Lomachevskii, A. (2007). 'Rasskazy iz prezhnei politseiskoi sluzhby v Peterburge', in: Piotrovskii, V., Kudryavtsev, D., Ochkur, R. *Russkaya politsiya: Gromkie prestupleniya prashlogo i podlinnye istorii ikh raskrytiya*. Moscow; Saint Petersburg: Astrel'—SPb., 202–209.
- Makarova, L. (2020). 'Mnogolikii sekret Parizha', *Zagadki istorii*, 9, 28.
- Milyukov, A. P. (1890). *Literaturnye vstrechi i znakomstva*. Saint Petersburg: Izdanie A. S. Suvorina, 281 p.
- Nechaeva, V. S. (1972). *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh "Vremya", 1861–1863*. Moscow: Nauka, 320 p.
- Nechaeva, V. S. (1975). *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh "Epokha", 1864–1865*. Moscow: Nauka, 304 p.
- Ornatskaya, T. I. (1988). 'Redaktsionnyi literaturnyi kruzhok F. M. i M. M. Dostoevskikh (1860–1865 gg.)', in: *Dostoevskii: Materialy i issledovaniya*. Leningrad: Nauka. Vol. 8, 247–262.
- Ornatskaya, T., Tunimanov, V. (1988). 'Al'bom plemyanitsy F. M. Dostoevskogo', in: *Leningradskaya panorama: Literaturno-kriticheskii sbornik*. Leningrad: Sovetskii pisatel', 350–365.
- Pikul', V. (2015). 'Staroe, dobroe vremya', in: Pikul', V. *Miniatyury*. Moscow: Veche, 511–522, 600 (kommentarii A. I. Pikul').

- Piotrovskii, V. (2005). 'Legenda russkoi politzii', in: Piotrovskii, V., Kudryavtsev, D., Ochkur, R. *Politsiya Rossiiskoi imperii. 175-letiyu Ivana Dmitrievicha Putilina i 140-letiyu uchrezhdeniya Sysknoi politzii posvyashchaetsya*. Moscow; Saint Petersburg: Astrel'—SPb., 72–80.
- Piotrovskii, V., Kudryavtsev, D., Ochkur, R. (2005). *Politsiya Rossiiskoi imperii. 175-letiyu Ivana Dmitrievicha Putilina i 140-letiyu uchrezhdeniya Sysknoi politzii posvyashchaetsya*. Moscow; Saint Petersburg: Astrel'—SPb., 282 p.
- Prokopov, T. F. (1995). 'Russkii Sherlok Kholms', in: *Sredi ubiits i grabitelei: I. D. Putilin. Zapiski nachal'nika Sankt-Peterburgskoi sysknoi politzii*. Moscow: Sovremennik, 5–8.
- Prestupleniya, raskrytye nachal'nikom S. -Peterburgskoi politzii I. D. Putilinyam* (1990). Moscow: Yuridicheskaya literatura, 263 p.
- Putilin, I. D. (1995). 'Zapiski nachal'nika Sankt-Peterburgskoi sysknoi politzii', in: *Sredi ubiits i grabitelei: I. D. Putilin. Zapiski nachal'nika Sankt-Peterburgskoi sysknoi politzii*. Moscow: Sovremennik, 9–160.
- Shef sysknoi politzii Sankt-Peterburga Ivan Dmitrievich Putilin. Sochineniya: (2003)*. 2 vols. Moscow: Olma-Press. Vol. 1, 480 p.; Vol. 2, 604 p.
- Shevlyakov, M. V. (1901). *Iz oblasti prikl'yucheni: Po rasskazam byvshego nachal'nika Sankt-Peterburgskoi sysknoi politzii I. D. Putilina (s ego portretom i biografiei)*. Moscow: Tovariščestvo I. D. Sytina, 200 p.
- Shevlyakov, M. V. (1995). 'Po rasskazam byvshego nachal'nika Sankt-Peterburgskoi sysknoi politzii I. D. Putilina: Doreformennaya politsiya', in: *Sredi ubiits i grabitelei: I. D. Putilin. Zapiski nachal'nika Sankt-Peterburgskoi sysknoi politzii*. Moscow: Sovremennik, 340–411.
- Shevlyakov, M. V. (2009). *Rokovoe sovpadenie: Po rasskazam byvshego nachal'nika Sankt-Peterburgskoi sysknoi politzii I. D. Putilina*. Saint Petersburg: Avalon; Azbuka klassika, 288 p.
- Tikhomirov, B. N. (2016). "Lazar'! gryadi von": Roman F. M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii: Kniga-kommentarii. Saint Petersburg: Serebryanyi vek, 560 p.
- Vasil'ev, K. (2009). 'Torzhество vymysla i skudost' literaturno-istoricheskikh izyskaniy', in: Shevlyakov, M. V. *Rokovoe sovpadenie: Po rasskazam byvshego nachal'nika Sankt-Peterburgskoi sysknoi politzii I. D. Putilina*. Saint Petersburg: Avalon; Azbuka klassika, 186–193.
- Vetlovskaya, V. E. (2002). 'Logika polozhenii: "Tot svet" v "Prestuplenii i nakazanii" F. M. Dostoevskogo', in: Vetlovskaya, V. E. *Analiz epicheskogo proizvedeniya: Problemy poetiki*. Saint Petersburg: Nauka, 125–153.
- Vetlovskaya, V. E. (2008). 'Literaturnye i real'nye prototipy geroev Dostoevskogo: ("Meshchanin v khalate" v "Prestuplenii i nakazanii")', *Russkaya literatura*, 1, 194–205.
- Vetlovskaya, V. E. (2020). 'Logicheskaya osnova khudozhestvennogo teksta, ili Chto skryvaet Porfirii Petrovich v "Prestuplenii i nakazanii" F. M. Dostoevskogo', in: *Problemy istoricheskoi poetiki*. Vol. 18, 1, 249–254.
- Vetlovskaya, V. E. (2020). 'Sovremennoe prochtenie F. M. Dostoevskogo: Razmyshleniya na temy knigi Kh.-Yu. Gerigka "Literaturnoe masterstvo Dostoevskogo v razviti: Ot Zapisk iz Mertvogo doma do Brat'ev Karamazovykh"', in: *Dostoevsky Studies: The Journal of the International Dostoevsky Society*. New Series. Vol. 23, 146–148.